

Мария Головановская

МухаЦокотуха

Сказка

1

Мне якобы дал твой телефон один наш общий знакомый. Чтобы я остановился у тебя. Я позвонил – сработало. Все в порядке. Это чтобы ты не ушел. Любимая работа. Ты почти ничего не сказал, когда меня увидел. Только ткнул кудато пальцем и сказал: "Вот". И добавил: "Подожди". Сразу "на ты". И чудненько.

Шум с улицы. Запах. Соседка снизу варит борщ. Точнее, кислые щи. Мясо на сахарной косточке, прозрачный бульон, кружочки моркови. Язык барахтается в наполненной рот слюне. Сглатываешь, но в голове покрасневшие от постоянной возни с водой пальцы, белесые ногти, красные пальцы в укропе, крупички соли... Шум с улицы. Обычный утренний шум. Там, за стеклом, – квадратный вонючий дворик, зады магазина. Смердящие желтоватомутные лужи, растрескавшийся, как кожа гигантского доисторического уродца, асфальт. Прокисшие мужички в кепках швыряют в оцинкованные люки промерзшие белобордовые половинки туш, обворожительные ляжки и бедра, белоголубые в мутноватом желе полиэтилена молочные блоки, составляют пустые бутылки в тару. Да, именно этот звук, когда пустые бутылки распахивают по отверстиям пластмассовых или металлических ящиков, и мужик в грязносерой майке без рукавов, демонстрируя чуть повыше следов от сделанных во младенчестве прививок наколку с якорем или женщинойрусалкой, загребает каждой рукой по полдюжине бутылок, выставляет на всеобщее обозрение обрубков пальца или искалеченный ноготь. Соседка снизу открывает окно, снимает с пыхтящей кастрюли крышку, подставляя лицо под горячий, пропитанный ароматами вареной говядины пар. Что теперь? Будет гладить? Драить полы? Засунет руки по самый локоть в тазы замоченного еще вчера вечером постельного белья вперемешку с мужниными подштанниками, непарными детскими носками?

– Ты чего приехал?

– На несколько дней.

Лес рук, пульсирующее людское море, голые руки как нива, как океан золотых колосьев, зеленые, синие, голубые, до пояса голый ударник – в мыле, пот течет по лицу солиста в кожаной куртке, и рыдают девицы, отбрасывая со лба волосяную пену, размазывая по лицу сопли и слезы, тушь и губную помаду. Шум с улицы, телевизор, голоса с...

– Есть будешь?

Большой темный коридор с влажными половичками у каждой двери. Захламленная вешалка. В ванной – зеленые обливающиеся слезами трубы, поток в сумасшедших зеленокоричневых фресках, подслеповатое зеркало. В пластмассовом стаканчике щетка и зубная паста твоего соседа справа, чистит, как ты сказал, зубы дешевой зубной пастой из ностальгии по пионерским кострам и линейкам. Ты поворачиваешь гладкую фарфоровую четырехконечную морскую звезду, и рахитичная струйка послушно выбегает навстречу развороченной пуповине заплыванного умывальника. "Вот, вот, вот", – бормочешь ты, тыкая пальцем в полотенце, мыло, розетку.

Темная кухонька, заставленный склянками подоконник, крашенный темной краской пол. Три столика, хлеб в глубокой тарелке с почти уже стершейся голубой каймой. Чай в кружке, на белом боку которой красуется розовая с зеленым листочком клубничина, чайники разбухают, вдыхают коричневый аромат, опускаются на дно. За окном – ослепительный, как

красотка на фоне красных "жигулей", попирающая своими прекрасными ножками в туфельках на каблучках и январь и февраль, и март со всеми их однозначными и двухзначными числами. Календарь.

2

Ты делаешь бутерброды, вдавливая сыр сероватыми пальцами в рыхлый хлеб, ты смотришь исподлобья, хватая себя за кончик носа, сложенное вчетверо грязное полотенце проваливается в щель между плитой и кухонным столом, ты ругаешься, откашливаешься, сморкаешься. Ты орешь в телефон, возвращаешься с покрасневшим и потным лицом, ты покупаешься на мой внимательный взгляд, тебе кажется, что я моложе тебя, ты набираешь в легкие воздух, и вот уже твой язык танцует отдельно от тебя.

Она говорит тебе: "Это очень интересная вещь!" А ты вдумывался когда-нибудь, что означают слова "интересная вещь"? Она хочет привлечь твоё внимание, и ты послушно как осел, как баран поднимаешь свои телячьи глазки:

"Давай, рассказывай, что в ней интересного, и кто такая эта вещь". Но это сначала. А потом она, взъярившись, взъерепенившись, шипит: "Если ты, падла, если ты, падла, еще когда-нибудь прикоснешься ко мне...", ты объясняешь мне, что развязать этот узел не то, что ржавый шприц в луже отполоскать, не то, что сдать кефирные бутылки, предварительно проткнув большим и указательным пальцем зеленое фольговое очко, это совсем другое дело, ты говоришь мне: "Слушай, подходи к телефону сам и говори, что меня нет дома, иначе не дадут спокойно позавтракать. Это впервых, а во вторых, не шуми здесь, понял?"

Ее голос показался мне немного грубоватым, то ли сонным, то ли прокуренным.

Через полчаса ты ушел. В комнате в твоём шкафу: на верхней полке – майки, красная, синяя и голубая, новое белье, два новых черных тренировочных костюма с надписью "Пума", груда носков; на средней полке – джинсы, черные брюки, серые зимние брюки в полоску, военная форма; внизу – австрийские ботинки на натуральном меху, рядом наверху – два свитера, деньги в пакете, чуть ниже, на плечиках – рубашки, три пиджака, два костюма. В карманах одного из них на двадцатипятирублевой купюре – записанный красным карандашом телефон, в другом кармане – женские часы со сломанным браслетом, клетчатый носовой платок.

Хлопнула входная дверь. За окном – квадратный вонючий дворик, подвыпившие мужики матерятся на женщин с исхудалыми, ярко накрашенными лицами и удивительно худыми ногами в простых чулках и больших коричневых тяжелых туфлях.

3

Она говорит тебе: "Ты потом будешь жалеть". А что означает слово "жалеть"? Метаться по комнате, нажираться в одиночестве и рыдать пьяными слезами, грозить убийством, хрипеть в трубку: "Если встречу – убью!", что значит "жалеть"? Давно прошли времена просиженных общаг, пропахших потом скороспелых встреч, когда ты с удивлением рассматриваешь свое разгоряченное тело, розовое, потное, гладкое, блестящее, с хорошо прорисованными мышцами, жилами, когда каждое твоё движение будто исходит не от тебя, будто ветер гонит волну, и ты с яростью доламываешь ходящую под тобой ходуном, растянутую как дешевые портки раскладушку. Ты давно уже живешь здесь, так о чем же тебе жалеть?

Ты тыкаешь в меня пальцем, бьешь кулаком по руке, ты улыбаешься мне в ответ, пьянея от духа сообщничества, ржешь и кашляешь, и стены дрожат от твоего хохота, когда тыходишь в раж

Мы выходим на улицу, идем по пустым воскресным улицам, мимо офисов и элитных домов, ты шаркаешь ногами, сбиваешь носы у пижонистых коричневых лакированных ботинок, бросаешь пустую сигаретную пачку в лужу. Лицо возбужденное, воротник наполовину загнулся, изпод шарфа – голая шея, ты идешь на полшага впереди, и я, словно в оптический прицел, смотрю тебе между лопаток и прислушиваюсь к звукам своего голоса: "Не фальшивит ли?"

Когда мы проходили мимо помойки дома, в котором живут иностранцы, ты засмотрелся. Ослепительнопрекрасный, словно груда новогодних подарков мусор, состоящий из пустых баночек изпод пива, смятых краснобелозолотых сигаретных пачек, хрустящих оберток, покоролевски разодетых бутылок с яркими этикетками, пластмассовыми бляхами, вогнутыми донцами, коробок с дымящимися в белой чашке кофе, водопадом хлопьев в жарком паре горячего молока, ты засмотрелся и заржал потом ужасающим смехом: "Вот ведь, никаких тебе гниющих капустных листьев или картофельных очисток", ты покраснел от хохота и вдруг замолчал, когда вышел из аккуратненькой подворотни розовощекий красавицамент, ты прищурился тогда и неожиданно спросил:

– Слушай, а ты чего приехалто?

4

Ты рассказываешь, с обидой, опустив глаза: "Еще вчера ходили в чем попало, жрали макароны из глубокой тарелки алюминиевой ложкой, а теперь: меняют туалеты по три раза в день, трясут друг перед другом ярлыками: это – Шанель, это – Ла Гир, это – Диор. На вечер – дорогая ткань, с утра – грейпфрутовый сок или овсянка на воде, гладят себя по розовым щекам, по бархатным манжетам, наслаждаются, мол, а тебя мы в свою компанию не возьмем. – А почему не возьмете? – Потому что тебя мы в свою компанию – не возьмем. И сжимаешь ты в продырявленных затхлых карманах кулачки в цыпках. Давай! Но помни: тебя мы в свою компанию не... Или еще: Ну скажи мне, скажи, разве могу я своими принципами малохолными розовощекою, да узкобедрую с умопомрачительными ягодицами непосильной ношей давить, смотреть, как лицо ее прыщами покрывается, бояться, что в кино другую жизнь увидит, расплается. Кто сказал тебе, что ты прав, если вокруг тебя уродство, разве так уж неважно, кто кого?"

Я смотрю на тебя с нежностью, пью, как нектар, каждое твое слово, пой, дорогой мой, нет у тебя лучше слушателя, я кричу: "Браво", швыряю к ногам твоим цветы, из последних сил хриплю: "Бис!" и всякий раз, закрывая глаза, вижу тебя на сцене в сорокаградусную жару, как и положено по сценарию, в соболях и лисах, а ты громко рассказываешь свою роль, брызгая слюной и потом в жарких лучах юпитеров, и дамочки с голыми плечами... А что дамочки с голыми плечами? Обмахиваются веером, ждут антракта.

5

Через квадратное окно на кухне, ведущее в ванную, хорошо видно, как ты принимаешь душ. Глотаешь воду, вытягиваешь шею, улыбаешься своим мыслям, стоишь в желтоваторозоватом облаке пара, смотришь, как по твоей распаренной красной коже бегут прозрачные, бесцветные ручейки, натирая до блеска, ты проводишь рукой по животу, по груди с редкой порослью, смотришь на свои ноги, на растопыренные пальцы, щиколотки, жестко выпирающие вперед колени, а там, что у тебя там, внутри, за близняшкампочками, за неженкойпеченью, за злючкойселезенкой, за синеватобордовым сердечным яблоком, как протекают реки, по которым течет твоя кровь и пролегают мышцы, по которым проносятся ураганы энергии, что, интересно тебе? Так знай: там, за всем этим, нет ничего, дорогуша,

поверь мне, уж ято знаю. Как бы ты ни тужился представить себе, что твои эпителии и мускулы таят некий, может быть, скрытый от тебя смысл, все равно...

Ты вышел из ванной, подмигнул мне, заржал, гаркнул: "Люблю француженок, в них шарма – просто вагон", это, вероятно, разыгралась в тебе разжиженная аспирином после недавней простуды кровь, ты расковырял болячку на руке, поставил распаренные ноги рядом с засаленными тапочками, кожа отслаивается на пятках, ты достал из холодильника пиво:

"Она говорит, что мне нельзя доверять. А что значит "доверять"? Что означает это слово? Она, которая ничего мне не позволяет, пошло хихикает, когда я, войдя во вкус, выпрашиваю у нее крохи, а она только и знает, здесь сантиметр, там сантиметр".

Ты ржал как лошадь, курил, вскидывая голову, обкусывал заусенцы: "И чего плохого в том, – орал ты, – что лошади не едят мяса? И замечательно, что не едят!"

6

Шум с улицы. Обеденный перерыв. Мужики сидят на ящиках, курят. Громко кричат полные раскрасневшиеся тетки в мохеровых кофтах нежных тонов, загораживая своими телами дверные проемы, кричат, потряхивая крупными сережками в мятых ушах, кричат, обнажая мелкие вперемешку с золотыми коронками зубы, наполняя воздух ароматами только что проглоченного коньяка или шампанского.

Соседка снизу гремит кастрюлями, кормит свежесваренным обедом худышазаморыша в синем пиджачке с алюминиевыми пуговицами под звуки музыкального радио, лая собак, скрипа качелей, скрипа тормозов.

7

Ты говоришь мне: "Запомни, вчера мы провели вечер вместе. Смотрели телевизор, у меня разболелась голова, я рано лег, поэтому меня не видел никто из соседей". Ты ничего не рассказываешь, не ржешь дебильным смехом, ты ходишь по комнате, куришь, нервно кричишь в телефон: "Алло!" и все повторяешь: "Понял? Понял? Понял?"

Двор опустел. Обычный темный двор с единственным, растущим прямо посреди лужи фонарем. Тихо. И кто теперь такой аптекарский сын? Что означают слова "аптекарский сын"? Эх, Патриция, о чем поешь?

8

Ты молча повиновался. Встал лицом к стене, поднял руки. Согнулся от сильного удара в живот. Оглянулся. Вытер кровь, капающую из разбитой губы: "Так вот зачем ты приехал!"

А что вообще можно сказать, когда стоишь лицом к стене, когда тебя ставят лицом к стене, что и кому ты можешь сказать? Я пожал плечами.

Перед тем как уйти, я еще раз осмотрел твои вещи. В коридоре наткнулся на твоего соседа. Типичный астеник со вставными зубами. Он спросил меня, что теперь с тобой будет.

Лестница, пахнущий мочой подъезд, двор, залитый огнями ревущий проспект. Все как всегда. Часика через три отвернешься лицом к стене и будешь приданно изучать нацарапанные алюминиевой ложкой чьи-то инициалы, неприличный рисунок, матерное слово.

Козел.